

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

Плеханов и Ленин (Метод, теория, революционная деятельность)

Уроки Плеханова

Ультралевые свержреволюционеры всех времен и народов преклонялись и преклоняются перед так называемым прямым «революционным действием»; к науке, теории они относились и относятся с нескрываемым презрением и враждебностью (слово «методология» вообще является мишенью для упражнений в острословии леваков). «Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником»; «не хлопчите в настоящий момент о науке»; «мы должны народ не учить, а бунтовать» — так писали ультрареволюционные бакунисты более ста лет тому назад.

Подобных восклицаний было немало и у идеологов «новых левых», еще недавно занимавших значительное место на авансцене политической жизни ряда западноевропейских стран. Так, Режи Дебре категорически высказывался против того, чтобы «овладевать настоящим, опираясь на предвзятые идеологические концепции и переживая это настоящее через книги». Теория, рожденная опытом предшествующих поколений революционеров, рассматривалась «новыми левыми» как «догма», как груз «прошлого», от которого должно быть «освобождено настоящее». «Освободить настоящее от прошлого», освободить спонтанное революционное действие от тормозов теоретических размышлений, освободить политику от теории — на все лады восклицали «новые левые» и — освободили свою политику от ... принципиальности, логичности, последовательности. В результате система стойких революционных сражений была заменена отдельными, разрозненными вспышками бунтарских действий, перескоком от одной частной политической ситуации к другой, от одной крайности в другую; во Франции, например, гошисты хватались за решение то одних, то других «горячих» вопросов, которые подчас сознательно и хитроумно, дабы отвлечь от действительных проблем, подсовывались консервативными силами.

Такая «актуализация» политической деятельности, связанная с «блужданием» (или, точнее, скаканием) по горячим (а чаще псевдогорячим) точкам социальных противоречий, не умеющая связать отдельные «горячие» проблемы с общей системой проблем своей страны и мира в целом, с общей логикой всемирно-исторического развития (которая, кстати, и отражена в великих произведениях революционных теоретиков прошлого, в тех «книгах» и «цитатах», о которых с таким пренебрежением писали гошисты), — такая «актуализация» приводит к потере движением своих сторонников, союзников, к утрате политического веса и влияния.

На сходной позиции по вопросу о взаимосвязи фундаментальных теоретических принципов с программами конкретной политической деятельности

стоят и «правые» идеологи (подтверждая тем справедливость народной мудрости, что в важных вопросах «крайности сходятся»). Так, Роже Гароди в своей книге «Большой поворот социализма» писал: «Если партия хочет стать центром всех сил, которые стремятся построить социализм во Франции, а не сектой доктринеров, она не может иметь «официальной философии», она не может в принципе быть ни идеалистической, ни материалистической, ни клерикальной, ни атеистической».

Следует отметить, что недооценка громадного значения философско-методологических, общетеоретических принципов для конкретно-исторического анализа, для выработки злободневной политической линии была характерна и для многих кругов интеллектуально-политической оппозиции авторитарно-бюрократическому режиму брежневских времен. На первый план выдвигались идеи «непосредственного действия» без излишних теоретических «умствований». В ходу были поверхностно-обвинительные речи, в которых перемешивались справедливая критика режима с легкомысленным отрицанием (а то и клеймением) тех поисков, которые вела гуманистическая, марксистская демократическо-социалистическая мысль в досталинский период. Да, это было противостояние реакционному сталинско-брежневскому режиму. Но без стремления понять глубинную сущность этого режима, действительных причин его возникновения, без желания основательно разобраться в его социально-классовых противоречиях – и на основе этого выработать серьезную, всесторонне продуманную стратегию социально-политических преобразований. С легким теоретическим и методологическим багажом, с поверхностными политическими планами и вступили в процесс «перестройки» (не очень-то вдумываясь в то, что именно «перестраивается» и во что следует «перестраивать»). В итоге этих судорожных, не освещенных светом глубокого теоретического сознания действий родилась действительность, которую не предвидели и которую не хотела получить либерально-демократическая интеллигенция. В итоге сохранилось худшее из прошлого с добавлением еще более худшего из настоящего. И снова современное пространство оппозиционной мысли заполняется поверхностными, «освобожденными от теоретических догм прошлого» самодельными (и потому – бессильными), наспех сварганенными теориями.

Вот почему выяснение значимости общетеоретических, философско-методологических принципов социально-преобразовательной стратегии, выработанных на основе прошлого опыта (опыта теории и опыта применения ее на практике), выяснение значения принципов для революционно-преобразовательной практики, выяснение механизма связи их с конкретным политическим анализом, с конкретным социально-политическим действием является весьма актуальной теоретической и практической задачей.

В этом плане чрезвычайный интерес представляет теоретическая деятельность Г. В. Плеханова, одного из выдающихся марксистских теоретиков прошлого, основателя первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда».

Опыт теоретической деятельности Плеханова поучителен в разных отношениях: поучительны как достижения плехановской мысли (представляющие собой крупный самостоятельный вклад в сокровищницу политико-философского знания), так и ее провалы — тоже по-своему исторические маяки, сигнализирующие об опасностях, встречающихся на путях движения по морю конкретного политического анализа.

В этой связи уместно вспомнить любопытный, внешне парадоксальный, но, при вдумчивом рассмотрении, весьма эвристичный подход к оценке теоретического наследия Плеханова, сформулированный Лениным: «...*Нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом (разумеется – в прежнем, ещё не запятнанном сталинистами, смысле этого слова – авт.) без того, чтобы изучать – именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма». И – рядом – другое его высказывание: «...способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе..— т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»¹ (снова напомним современному, не искусственному в теоретических тонкостях, читателю, что речь идет о «диалектическом материализме», как он сформулирован в трудах марксистских классиков или в работах их последователей, вроде Ильенкова и Лифшица, а не о той его вульгарной, испоганенной версии, начало которой было положено сталинским «Кратким курсом» и следовать которой было обязанностью официальной советской философии).

Итак, с одной стороны, без изучения работ Плеханова нельзя стать «настоящим» марксистом- коммунистом, а с другой – плехановский способ рассуждения есть «опошление марксизма» и «насмешка над диалектическим материализмом». Что это значит? Как такое возможно? Ответить на это и означает понять Плеханова, его историческое значение, его место и роль в развитии марксистской теории, и шире – в развитии теории социально-преобразовательной деятельности.

***Без изучения работ Плеханова нельзя стать сознательным творцом
нового социального мира***

Почему же? Ответ кажется лежащим на поверхности и достаточно хорошо известным: Плеханов перенес передовую для своего времени теорию – марксизм – в Россию, защищал, распространял и популяризировал его положения. Да, конечно, это громадная историческая заслуга, и она действительно принадлежит Плеханову. Но это не ответ на поставленный вопрос: здесь нет объяснения, почему *сегодня* надо *изучать* работы Плеханова; ведь если дело сводится к перечисленным выше заслугам, то не очевидно ли, что будет вполне достаточным изучить по первоисточникам те идеи, которые Плеханов «переносил», «защищал» и «популяризировал»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290; Т. 3. С. 14.

Раскрыть историческую заслугу Плеханова – значит показать, что им было сделано нечто такое, что до него не было сделано никем, и что сделал это он так основательно, что не было никакой необходимости кому-то это повторять впоследствии и что поэтому его творчество составляет *необходимую и незаменимую* часть развертывающейся во времени золотой нити политико-философской, социально-преобразовательной науки.

«Метод, это - самое главное»

Область плехановских открытий можно увидеть и как следует рассмотреть только через призму ситуации - российской и международной - конца XIX - начала XX в. (период создания Плехановым лучших своих работ), через призму тех проблем, с которыми столкнулась русская и мировая общественная мысль той эпохи.

Это была ситуация смены веков и в России, и в мире.

В России 1870-1880-х годов передовая общественная мысль обсуждала - возможные пути развития страны: должна ли она после отмены крепостного права идти, подобно странам Запада, капиталистическим путем или может развиваться непосредственно в направлении социализма, опираясь на общину и минуя капитализм. Народники делали акцент на своеобразии условий России: они уповали на общину (которая, однако, рушилась на глазах) и социалистические инстинкты крестьянства (наличие которых, увы, не подтверждалось практикой народнической пропаганды и социальной борьбы). Народничество теряло свой кредит. А марксизм?

По свидетельству В. Засулич, в ту эпоху появились в России деятели, которые утверждали неизбежность капиталистического пути развития в России, обосновывая этот вывод ссылкой на «Капитал» Маркса, где будто бы доказано, что, «в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства». В. Засулич обратилась к Марксу с вопросом: верно ли, что, по его мнению, такая «историческая неизбежность» существует и что поэтому Россия с необходимостью должна пройти все фазы капиталистического производства? Маркс ответил несколько **неожиданно** для вышеупомянутых русских «марксистов»: свой анализ капиталистического производства «я точно ограничил... странами Западной Европы, для России «западный прецедент... ровно ничего не доказывает, «анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины»². В другом письме — в журнал «Отечественные записки» (1877 г.) — К. Маркс категорически протестует против превращения его исторического очерка «возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...»³. Он считал, что для определения перспектив развития России нужен специальный анализ.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 411, 412, 251.

³ Там же. С. 120.

Эту задачу в полной мере осознавал Плеханов. Он уже тогда, в начале 80-х годов, знал, что истина всегда конкретна, зависит от обстоятельств места и времени, и потому, в духе Маркса, активно выступил против механического переноса выводов «Капитала» на условия российского исторического развития. Но в отличие от народнических теоретиков он ясно понимал, что если конкретные экономические и политические выводы «Капитала» не могут быть просто перенесены на условия русской жизни, то метод исследования К. Маркса, давший такие блестящие результаты при анализе западноевропейского развития, не только может, но и должен быть «перенесен» и применен к анализу русской действительности. Однако его нельзя было просто «перенести», его надо было прежде *извлечь* из «Капитала» (и других произведений Маркса и Энгельса), высвободить из конкретного экономического, исторического материала - изложить в обобщенном и систематизированном виде.

Смена исторических вех происходила и во всемирном масштабе: капитализм свободной конкуренции уступал место монополии. Монополии, акционерные общества, определенный рост планового, регулирующего начала в производстве, некоторое изменение характера кризисов, появление в рабочем классе привилегированных, нереволюционных слоев - эти и другие новые факты не укладывались легко и просто в рамки прежних теоретических концепций. Более того, новые законы, стоявшие за этими новыми фактами, в чем-то и противоречили прежним теоретическим положениям. Противоречивость объективной ситуации наглядно выражалась в такой антиномии: «монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции» и — монополия есть прямое продолжение свободной конкуренции, «прямое продолжение основных свойств капитализма вообще»⁴.

Стремясь освободиться от этого противоречия, одни теоретики делали акцент на первом положении и, ссылаясь на новые факты, требовали отвергнуть «устаревшую» прежнюю теорию (т. е. марксизм). Другие, стремясь сохранить в неприкосновенности каждое положение так долго и верно служившей теории, пытались поставить под сомнение принципиальную новизну фактов, пытались перетолковать (т. е., попросту говоря, исказить) их таким образом, чтобы они без труда подходили под прежние положения теории. Но ни первый (ревизионистский), ни второй (догматический) способ не позволяли действительно разрешить указанные противоречия: с одной стороны, теория легко выдерживала нападки на ее принципы и было ясно, что новизна ситуации не колеблет ее фундамент. С другой же стороны, новые факты, новые явления «упрямились» и перетолковыванию в догматически-традиционном духе не поддавались. Естественно возник вопрос: каким должен быть метод, чтобы дать правильную оценку ситуации, когда «новый факт», с одной стороны, подходит под прежнюю теорию, а с другой стороны, противоречит ей? Таким образом, и при такой ситуации конкретный ее анализ упирался прежде всего в решение вопроса о методе.

---

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385.

Плеханов одним из первых осознал необходимость всесторонней разработки и систематического изложения научного (что объективно означало марксистского) метода познания общественных явлений — в качестве задачи, необходимо предшествующей многостороннему конкретному исследованию качественно новой российской и мировой ситуации. «Метод, это — самое главное; если он верен, то по необходимости верны будут и те результаты, к которым он приводит» — таково было кредо Плеханова. Вот почему свое основное внимание он обратил не просто на конкретные ответы, которые давали основоположники марксизма, а на необходимость понимания *«методологического значения исторического материализма»*.

Следует подчеркнуть при этом, что Плеханов отнюдь не преувеличивал значимости решаемых им задач. Задача состояла не в выработке метода; он уже был выработан, и его фундаментальные и решающие моменты были сформулированы — и об этом Плеханов постоянно говорил ясно и громко — Марксом и Энгельсом. Этот метод блистательно продемонстрирован ими в анализе капиталистического способа производства (в «Капитале»), исторических судеб капитализма как общественной формации (в «Манифесте Коммунистической партии»), социалистических и философских учений (в «Анти-Дюринге»), конкретных революционных событий (в «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»). Задача, как верно и точно понял ее Плеханов, состояла в том, чтобы «высвободить» метод К. Маркса из конкретного и исторического материала (это была непростая задача — до сих пор важнейшие аспекты метода «Капитала» остаются предметом философских дискуссий). Надо было, кроме того, отделить этот метод от появившихся и довольно широко распространившихся в ту эпоху его вульгарных версий — фаталистического объективизма Струве, вульгарного социологизма и экономизма (получивших свое крайнее выражение в шулятиковщине), его субъективистских и волюнтаристских интерпретаций в неонародническом и эсеровском духе. Такая полемика позволяла более четко обозначить границы этого метода - там, где они по тем или иным причинам не были достаточно ясно проведены его создателями. Необходимо было также развернуть работу по уточнению отдельных моментов его внутренней структуры и ликвидации «белых пятен» в его содержательной части.

В описании, систематической разработке и обосновании диалектико-материалистического метода познания и преобразования общественных отношений — в этой области и лежат главные оригинальные (далеко не азбучные!) завоевания теоретической мысли Плеханова.

Марксизм — «продукт векового развития исторических идей»

В концентрированном виде теоретические завоевания Плеханова содержатся в его работах «Основные вопросы марксизма» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Впрочем, эти завоевания надо уметь увидеть и понять. Ведь были и такие авторы, которые утверждали, что эти работы Плеханова не содержат-де ничего, кроме азбучных положений о том, что материя первична, что общественное бытие

определяет общественное сознание, что производительные силы обуславливают производственные отношения, что противоречие производительных сил и производственных отношений в антагонистическом обществе порождает революцию и т. д.

Действительно, все эти формулы присутствуют в работе Плеханова. Но специфика названных работ, их теоретическая новизна состоят вовсе не в провозглашении этих формул, а в доказательстве того, что эти положения не просто одна из многих предлагаемых общественной наукой возможных версий объяснения исторического процесса. Это — необходимый результат и «законный продукт векового развития исторических идей», и потому эти положения обладают высокой степенью истинности и эвристичности.

Плеханов понимал, что одной формуле, одной дефиниции, одной «азбуке» нетрудно противопоставить другую формулу, другую дефиницию, другую «азбуку» — в качестве равновозможного варианта. При таком противопоставлении неискушенному читателю непросто отыскать критерий предпочтения одной системы положений другой. Но если доказано, что данное положение есть результат, итог развития всей истории общественной мысли, есть решение проблем, над которыми эта мысль билась в течение длительного времени, тогда становится ясным критерий предпочтения данного учения всем другим. Именно эту работу в отношении марксистского учения проделал Плеханов.

Обоснование исторической обусловленности марксизма было крайне необходимо в эпоху, когда передовая общественная мысль России (а отчасти и всего мира) выбирала, какое миросозерцание следует положить в основу познания и деятельности. Но значение плехановского анализа не ограничивается рамками той эпохи, он сохраняет свое значение для любой последующей эпохи, ибо каждое новое поколение людей самостоятельно решает для себя проблему, почему одну теорию, одну методологию следует предпочесть другой. И плехановские работы будут вновь и вновь служить доказательством предпочтительности фундаментальных положений марксизма всем другим.

Это, конечно, не означает, что Плеханов первым обратил внимание на историческую обусловленность марксизма. Задолго до Плеханова основоположники марксизма не раз отмечали, что их учение — результат предшествующего развития мысли, указывали на своих предшественников, говорили об основных моментах и главных направлениях связи своих идей с предшествующими концепциями. Но если для Маркса и Энгельса выявление этой исторической связи было *подчиненной* задачей (главной была разработка самих идей), то для Плеханова — *главной*. В работах Маркса и Энгельса встречаются лишь отдельные фрагменты этой темы, у Плеханова же дается целостная картина, причем выполненная классически, т. е. так, что в ней, говоря словами поэта, нельзя ничего «ни убавить, ни прибавить».

Что же придаёт плехановским работам характер *классического образца*?

Прежде всего, то, что они адресованы не узкой касте специалистов, ученых-социологов, а очень широкой читательской аудитории, причем отнюдь не за счет

снижения научности исследования, не за счет упрощения (для популяризации) научных истин и положений. Уровень Плеханова — это высший для его времени уровень общественной науки. Плеханов выводит науку из фаустовских келий к массовому читателю. Он показывает, что, собственно, главная задача общественной науки состоит вовсе не в решении каких-то мудреных диссертационно-академических задачек, а в том, чтобы аргументированно и доказательно ответить на вопросы, которые волнуют каждого, например, такие: чем обуславливаются социальные изменения, какие силы «управляют» общественным развитием и каковы в этой связи возможности человека влиять на этот процесс? С этих близких и волнующих вопросов Плеханов начинает свой разговор с читателем и затем ведет его за собой — ступенька за ступенькой — по всей громадной лестнице развернутых научных ответов на эти вопросы.

Кроме того, Плеханов обладает удивительной способностью писать не «просто и ясно», а «сложно и ясно». Сложность обусловлена предметом: Плеханов, излагая концепции предшественников марксизма, должен был так изложить суть их учений, чтобы читатель почувствовал незаурядность этих людей, сумевших подняться на вершину науки своего времени. Ясность его произведений связана с тем, что он умел найти такую точку обзора, откуда сложные и иногда весьма причудливые теоретические храмы мыслителей прошлого просматривались с исключительной ясностью. Он умел открыть в концепции каждого предшественника марксизма центральное звено всей системы теоретических рассуждений. Он умел выявить те тончайшие, но прочные нити, которые связывали эти центральные положения отдельных учений в единую цепь становления науки об обществе. Следует подчеркнуть также, что для того, чтобы выявить центральные звенья концепций Гельвеция и Сен-Симона, Гизо и Гегеля, логику их связи, недостаточно было «пересказать» или «перевести» творения этих великих людей. Необходимо было *открыть* эти центральные звенья и эту логику, подобно тому как открывают законы существования и функционирования какого-либо природного или общественного явления.

Плеханов начинает с концепций просветителей XVIII в., с первых попыток создания науки об обществе. Он формулирует центральный просветительский тезис: «Социальная среда — есть продукт мысли (а затем и деятельности) людей» — и подчеркивает, что для своего времени это утверждение было очень важным. Во-первых, оно решительно порывало с существовавшей в ту эпоху традицией объяснять социальное развитие с помощью ссылок на сверхъестественные, божественные и тому подобные мистические силы. А во-вторых, оно содержало действительно немаловажную, действительно верную (хотя для человека науки достаточно очевидную) мысль о том, что ничто и никто, кроме людей, социальную среду изменить не в состоянии. Это положение раскрепощало деятельность человека, освобождало его мысль от рабского подчинения фаталистическим догмам; оно поднимало реального, земного человека на высокий пьедестал, пробуждало в нем силу и гордость творца своей судьбы, И все же, как показывает Плеханов, этот тезис не полностью удовлетворял людей: оставалось недостаточно ясно, чем определяется сама мысль человека, с помощью которой преобразуются общественные условия. Размышляя над этим вопросом,

просветители установили другую, также в общем верную (и опять-таки для человека науки достаточно очевидную) зависимость: человек (со всеми его мыслями) есть продукт Воспитания, продукт условий, в которых он растет, иначе говоря, продукт среды. И тут-то следующий за Плехановым читатель вдруг замечает, что таким образом просветители сформулировали два важных, два самих по себе правильных, но по-настоящему мало что объясняющих положения.

Так Плеханов вводит читателя в *проблему*. Классическая формулировка проблемы — это ее формулировка в виде противоречия, в виде антиномии, когда два положения в одно и то же время и верны, и исключают друг друга. Такое противоречие и есть источник дальнейшего движения теоретической мысли.

Мы не будем здесь последовательно раскрывать дальнейший ход плехановского анализа. Укажем только на сам принцип этого движения, метод разрешения подобных противоречий.

Плеханов показывает, как из противоположных принципов возникают целостные теории, из которых одни делают акцент на первом положении просветителей, другие — на втором. Возникшие из противоположных принципов системы вступают между собой в борьбу и обнаруживают свои достоинства и слабости. В этой борьбе, которая сопровождается постоянным обращением к историческому опыту, открываются выходы за пределы исходной антиномии двух начал, противоречивых систем, открывается более глубокое основание, из которого можно вывести оба первоначальных, противоречащих друг другу тезиса просветителей. В результате появляется (например, у историков времен Реставрации) новая, более основательная теоретическая система, выведенная из более глубокого теоретического принципа. Однако вскоре выясняется, что и этот новый принцип несовершенен, односторонен, абстрактен: исходя из него не все можно объяснить и он сам требует объяснения. Тогда появляется другой, новый принцип, дополняющий первый и противоречащий ему. И все начинается сначала: снова два противоположных начала, снова борьба двух систем, только уже на более глубоком теоретическом уровне, снова сопоставление теорий с фактами и новое углубление, новое развитие (в трудах социалистов-утопистов). И т. д.

Это движение привело мировую общественную мысль к теории марксизма, который дал действительное решение «каверзного» вопроса о том, «каким образом «обстоятельства могут изменяться теми людьми, которые сами создаются обстоятельствами». Марксизм, как разъяснял Плеханов, прежде всего исправил саму постановку вопроса и входящие в него понятия, выяснил ложность такого категорического разделения социального бытия на «обстоятельства» и «человека». Марксизм показал, что человек — это «мир человека», что сущность человека — это совокупность общественных отношений», т. е. если вы хотите познать, что такое «человек» («природу человека», как любили выражаться предшественники марксизма), то изучайте, как он действует, как воздействует на окружающий его мир в целях удовлетворения своих потребностей. И тогда вы увидите, что способ его деятельности зависит от характера средств, которые использует человек при воздействии на природу. Вначале такими средствами

были его естественные органы (руки, ноги, зубы и т. д.). Затем все более возрастает значение механических средств. Человек, цитирует Плеханов Маркса, «пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи... Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлинняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего»⁵. Так создаваемые первобытным человеком молоток, рубило, лук являются как бы продолжением и усилением рук, ног, глаз человека. Молоток со временем превращается в мастерскую, фабрику, завод, которые тоже являются не чем иным, как своеобразными, искусственными «органами человека», средством его воздействия на окружающий мир. Но эти орудия труда, эти разросшиеся могучие искусственные органы выступают уже не как органы отдельного индивида, а как органы общественного человека, ибо в одиночку пустить их в дело человек просто не в состоянии; для этого он должен объединиться, кооперироваться с другими людьми, т. е. вступить с ними в определенную производственную связь, в определенные общественные отношения (среди которых главные — производственные).

Отсюда понятно, что характер, тип этой связи, этих производственных отношений зависит от того, каковы орудия труда, средства производства. Когда понято это, тогда становится ясно, почему социальное бытие не разделяется на «человека» и «обстоятельства», становится ясно, что «обстоятельства» (т. е. фабрики, заводы, железные дороги, машины и т. д.) есть не что иное, как «искусственные органы общественного человека», есть не что-то внешнее по отношению к человеку, а есть он сам, его продолжение. Именно в этом глубокий смысл Марксовых слов: «человек - это мир человека». «Совокупность общественных отношений», «мир человека» — это и есть то, что на языке предшественников марксизма называлось «обстоятельствами». Поэтому задача теперь сводилась к тому, чтобы объяснить механизм развития социального бытия, представляющего собой неразрывное единство «обстоятельств» и «человека». И ключ к ее решению, как справедливо подчеркивает Плеханов, - в тезисах К. Маркса о Фейербахе. Человек, изменяя обстоятельства, говорится в этих тезисах, тем самым изменяет себя (ибо «обстоятельства» — это момент самого «человека»). А конкретный механизм этого «самоизменения» Человека (большая буква означает, что мы имеем в виду единство «человека» и «обстоятельств») подробно раскрывается К. Марксом в диалектике производительных сил и производственных отношений. Мы здесь не ставили задачу подробно раскрыть решение антиномии просветителей, мы остановились лишь на описанном Плехановым пути, который вел к Марксову открытию. Мы хотели показать, что «азбучные» положения марксизма, включенные в широкий исторический и социальный контекст, взятые в аспекте их становления и развития, перестают быть «азбучными».

---

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 190.

Вот почему когда человек, историческое мышление которого развито трудами Плеханова, встречается с «азбучным» положением о роли производительных сил в общественном развитии или о значении производственных отношений, то перед его взором встают не тощие дефиниции и абстракции, а поиски Гельвеция и Руссо, Сен-Симона и Фурье, Фейербаха и Гегеля, драматические коллизии французской революции, трагедии жирондистов и якобинцев... Плеханов «распредметил» все эти формулы и категории, высвободил громадный мыслительный заряд, содержащийся в ядрах фундаментальных положений марксизма, раскрыл заключенное в них неисчерпаемое теоретическое богатство.

О тождестве диалектики и материалистического понимания истории

Подробный анализ исторической обусловленности марксизма позволил Плеханову выявить одну чрезвычайно важную особенность марксистской теории, марксистского метода. Произошло это при анализе им перехода от философии Гегеля к философии Маркса.

Вообще рассмотрение Гегеля в качестве не просто одного из истоков марксизма, но необходимого звена в развитии общественной мысли от просветителей к Марксу — это само по себе составляет важную теоретическую заслугу Плеханова. Ведь для этого нужна была высокая теоретическая смелость и исключительная нешаблонность мышления, чтобы представить концепцию *идеалиста* Гегеля в качестве необходимого момента развития концепции, развертывавшейся в основном в рамках *материалистической* традиции, чтобы в существенных моментах поставить идеалиста Гегеля выше всех материалистов прошлого, не смущаясь грозными обвинениями в «воскрешении гегельянства», исходившими от некоторых страшно воинственных материалистов (в основе взглядов которых, впрочем, наряду с воинственностью лежала, по выражению Плеханова, «огромная умственная дубоватость»).

Не гегельянство как таковое воскрешал Плеханов, а великое в гегельянстве: изучение всех явлений «в процессе их возникновения и исчезновения», рассмотрение истории человечества в качестве «законосообразного процесса, независимого от человеческого произвола», стремление «свести к общему и единому источнику все действующие и взаимодействующие силы в общественной жизни...». И эти вершины гегелевской философии, с высоты которых уже виделся горизонт марксистской мысли, Плеханов обрисовал с такой рельефностью и с такой яркостью, что даже сдержанный на похвалу Ф. Энгельс назвал плехановский анализ Гегеля «превосходным»⁶.

Но у плехановского анализа перехода от Гегеля к Марксу есть и еще один важный аспект — аспект, связанный с выяснением ограниченности гегельянства, тех тупиков, в которых оказывалась гегелевская мысль, а также с характеристикой того принципиально нового шага, который был сделан К. Марксом. В этом звене анализа Плехановым разработаны столь важные и столь глубокие положения, что они и сегодня не утратили своей злободневности, а

---

⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 205.

активное подключение их к современным философским дискуссиям помогло бы, на наш взгляд, сдвинуть с мертвой точки некоторые затянувшиеся споры. Что мы имеем в виду?

Отмеченный нами аспект плехановского анализа начинается достаточно известными (и тогда, и сегодня) утверждениями, что марксизм «не мог воспользоваться диалектикой в ее идеалистическом виде», что «необходимо было прежде всего освободить ее от мистического покрывала», т. е. от идеализма, и соединить с материализмом, что операция эта была осуществлена К. Марксом, который стоящую на голове гегелевскую диалектику «перевернул», поставив ее на материалистические ноги. Однако далеко не все из тех, кто усвоил эту формулу «переворачивания», ясно представляли (и представляют) себе конкретный механизм этого «переворачивания», механизм «соединения» диалектики с материализмом, т. е. по сути механизм становления диалектического материализма. Между тем ясное представление о становлении диалектического материализма есть ступень к более глубокому и более точному пониманию характера, границ, структуры этого учения, его сущности.

Известен простой и как будто бы все объясняющий ответ: гегелевской диалектике мешал идеализм, отсюда и возникла задача отбросить его, взять за исходное, как говорил еще Фейербах, «природу без подстановки», т. е. материальную природу как таковую, отбросив предшествующее ей в гегелевской концепции звено — некую абсолютную идею, иначе говоря, отрезать «китайскую косу» идеализма у гегелевской философии. Но когда Фейербах отрезал эту «косу» гегелевской философии, то вместе с ней оказалась отрезанной и ее голова — диалектика. Оказалось, что абсолютная идея была в ту пору необходимым условием существования диалектики в гегелевской концепции. Диалектика во многом держалась на ней, и *просто* отбросить это основание, не потеряв диалектику, было невозможно. Нужно было *другое основание*. Оно и было найдено К. Марксом.

Это решающее открытие было сделано, как совершенно справедливо подчеркивал Плеханов, прежде всего в работе «К критике гегелевской философии права» (Плеханов был знаком лишь с обобщающими выводами этого исследования К. Маркса, представленными во Введении к этой работе, основная часть которой была опубликована уже после смерти Плеханова; современный читатель, имеющий возможность подробно ознакомиться с этой работой К. Маркса, может воочию убедиться, сколь удивительна была проницательность Плеханова, сумевшего уловить по одному Введению самую суть Марксовой критики Гегеля). В этом произведении К. Маркса процесс преодоления Гегеля предстает с особой подробностью и потому особенно зримо. Взяв одно из «звеньшек» гегелевской философской цепи (правда, весьма важное «звеньшко»), К. Маркс на его примере раскрывает характерные достоинства и недостатки гегельянства. Это «звеньшко» — схема возникновения «государства». Здесь Гегель прежде всего фиксирует верно подмеченный эмпирический факт, что государство является следствием развития «семьи» и «гражданского общества». Но наука должна, разумеется, ответить на вопрос, в чем состоит необходимость

такого развития для Гегеля этот вопрос был трудным. Ответить на него значило бы открыть не более не менее как материалистическое понимание истории (что во времена Гегеля объективно было невозможно). И вот, будучи не в состоянии указать действительные, естественные причины такого развития и стремясь в то же время сохранить идею объективной необходимости, закономерности такого развития, Гегель вынужден ссылаться на причины неестественные, точнее — сверхъестественные: реальной семье и реальной хозяйственной, экономической деятельности, гражданскому обществу предшествовала-де некая идея государства, которая и была движущей силой, внутренней целью, законом развития семьи и гражданского общества.

Эту суть гегельящины четко зафиксировал К. Маркс: «В действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства, именно они являются подлинно деятельными; в спекулятивном же (гегелевском — Г. В.) мышлении все это становится на голову». У Гегеля «действительность рассматривается не как эта самая действительность, а как некая другая действительность. Выходит, что для обыкновенной эмпирии является законом не ее собственный дух, а чужой», т. е. у Гегеля «идея превращается в самостоятельный субъект, а *действительное* отношение семьи и гражданского общества к государству превращается в *воображаемую внутреннюю* деятельность идеи»⁷. Задача состояла в том, чтобы раскрыть «собственный дух» эмпирии, законы ее развития. Гегель же, не решив эту задачу, «объяснял» необходимость развития семьи и гражданского общества в государство тем, что так-де было «задумано», «предопределено» в лоне «идеи государства» и что вообще вся история общества и природы была «предначертана» в идее всех идей — в лоне абсолютной идеи. Однако это «объяснение», по сути дела, ничего не объясняло. Нельзя считать объяснением заявление: государство (или какое-либо другое эмпирическое явление) возникает потому, что так и должно было случиться, что, по логике Идеи так было предопределено. Конечно, такой «метод» позволяет гегельянцу неплохо не то чтобы понимать, но описывать процесс развития прошлого и его превращения в настоящее (и в этом описании развития элементы диалектики, безусловно, будут присутствовать). Однако понять и описать движение от настоящего к будущему (например, перспективы дальнейшего развития государственности) гегельянец на основе своей методы будет уже не в состоянии. И только когда, скажем, государство превратится в общественное самоуправление (в соответствии с законами, о которых гегелевская философия не имеет понятия), вот тогда гегельянец - *postfactum* - глубокомысленно может заявить, что теперь ему все «понятно»: идее государства предшествовала еще более глубокая и абстрактная идея — «идея общественного самоуправления». Т. е. получается, что «объясняющая» все и вся абсолютная идея в действительности не объясняет ничего: она сама (т. е. природа этой «предопределенности», или, иначе говоря, законосообразности) требует объяснения. «Эта абсолютная идея, — пишет Плеханов, — столь непреодолимая в своем движении, столь сочная и плодотворная, мать всего того, что было, есть и будет в грядущие столетия, тускнеет, делается неподвижной, оказывается чистой

---

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 224.

абстракцией и, весьма далекая от того, чтобы суметь что-либо объяснить, смиренно просит хоть какого-нибудь объяснения самой себя. Sic transit gloria... ideae (Так проходит слава... идеи)⁸. Искомое, действительное объяснение, как показывает Плеханов, было дано К. Марксом, открывшим материалистическое понимание истории. Вот этот итоговый вывод Плеханова: «для Гегеля диалектика социальной жизни, как и всякая диалектика конечного вообще, в последнем счете имеет мистическую причину, природу бесконечного, абсолютного духа. У Маркса она зависит от совершенно реальных причин: от развития средств производства, которыми располагает общество»⁹. После этого открытия отпала «всякая надобность в гипотезе духа».

Таким образом, *Плеханов доказал, что преодолеть, «перевернуть» Гегеля, соединить диалектику с материализмом можно было, только открыв материалистическое понимание истории. Только в этом случае можно было отбросить абсолютную идею, не потеряв диалектику.*

В материалистическом понимании истории — все начала и концы марксистской диалектики. Только поняв это, можно браться за создание системы категорий, представляющей развернутое решение основного философского вопроса — об отношении сознания и материи.

Марксизм в понимании мышления и его соотношения с материей следует той глубокой традиции, которая идет от Спинозы, образно определившего мышление как способность мыслящего тела (т. е. человека) активно строить свое собственное движение, свое собственное действие по форме любого другого тела. Марксизм принимает это очень глубокое определение, внося одно (но весьма существенное) дополнение, а именно то, что «мыслящее тело» — это не просто индивид, «человек», взятый сам по себе, а человек в его отношениях с другими людьми, социальное существо. Т. е. «активно действующим телом» является, по сути, человеческое общество, и движется оно «по контуру» внешнего мира с помощью таких «органов», как орудия труда, средства производства, государство и конституция и т. д. и т. п. Вот почему уже исходные категории диалектического материализма — материю, мышление совершенно невозможно понять без таких категорий, как «общественная практика», как «способ производства», а субъект мышления — без категорий «производственные отношения», «классы», «классовая борьба». **Вот почему материалистическое понимание истории — это не какой-то «второй этаж» философии, не что-то, стоящее рядом с диалектикой, а всепроникающая душа диалектики; материалистическое понимание истории пропитывает (должно пропитывать) каждую категорию диалектического материализма.** «Самой важной проблемой *диалектического материализма* (курсив мой – авт.), — остро и верно формулировал Плеханов, — была проблема *исторической эволюции* человечества»¹⁰.

Так же понимал суть дела Ф. Энгельс: он, как известно, назвал Марксовы «Тезисы о Фейербахе» «гениальным зародышем нового мировоззрения». И в этом

⁸ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. II. М., 1956. С. 137.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова в 3-х томах. Т. III. М., 1974. С. 43.

«зародыше», в этой генетической «клеточке» марксизма особенно зримо, особенно ясно видно это неразрывное единство, эта тождественность диалектического материализма и материалистического понимания истории. Именно это доказывал и доказал Плеханов, итоговым тезисом которого было: **«Диалектический материализм есть высшее развитие материалистического понимания истории».**

Философия и социализм

Глубоко осознанное органическое единство, тождественность диалектики и материалистического понимания истории позволили Плеханову обосновать ещё одно важное положение, которое, к слову сказать, активно оспаривалось (и, увы, иногда и сегодня оспаривается) иными «марксистами».

В письме Плеханову от 6 февраля 1901 г. К. Каутский написал «историческую» фразу: «...я думаю, что можно быть в некотором смысле неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрину марксизма». О том, что это не случайно оброненная фраза, свидетельствуют и многие другие высказывания Каутского, например такое: «Я понимаю под марксизмом не философию, а эмпирическую науку, особое понимание общества». Другой теоретик II Интернационала — В. Адлер тоже «допускает возможность замены материалистической основы» научного социализма кантовской.

Такой ход мыслей отнюдь не стал далекой историей. И сегодня в «левых» кругах нередки утверждения о независимости социалистической стратегии и политической борьбы «левых» партий от той или другой философской основы и о том, что поэтому-де политическая программа борьбы такой партии может быть вполне сочетаема с философией какого-нибудь позитивизма, идеализма или даже католицизма. Плеханов же считал, что не может, что «все стороны миросозерцания Маркса самым тесным образом связаны между собой... вследствие этого нельзя по произволу удалить одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, не менее произвольно вырванных из совершенно другого миросозерцания»¹¹. Он это доказывал и демонстрировал постоянно — и в общетеоретической форме, и на весьма впечатляющих конкретных примерах.

А. Богданов, к примеру, желал быть последовательным революционным борцом за дело трудящихся, сторонником Марксовой теории социалистической революции; он воевал с реформистами, и в эпоху первой русской революции входил в большевистский ЦК. Но Богданову, удрученному поражением революции и не понявшему действительных причин этого поражения, показалось, что наилучшей основой марксистской теории революции и социалистической революционной деятельности может быть не диалектический материализм, а одна из разновидностей позитивизма — махизм; Богданову показалось, что диалектический материализм с его признанием объективной истины и объективной законосообразности исторического процесса есть одна из форм оправдания действительности, ведущая в конечном счете к оппортунизму и реформизму. Отрицающий же объективные законы махизм, с его точки зрения,

¹¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. III. М., 1957. С. 198.

раскрепощает революционера, открывает перед ним простор для «творческой», «решительной», не сдерживаемой никакими рамками, преобразовательной деятельности.

Убийственным сарказмом встретил эту богдановскую риторику Плеханов. Он указал, что «бурная революционность», опирающаяся на субъективистскую философию Маха и вследствие этого не умеющая соотносываться с объективной логикой исторического развития, с объективными интересами и возможностями масс, есть не социалистическая революционность.

Подлинно социалистическая революционная деятельность — это самодеятельность народных масс, богдановско-махистская же «революция» — это деятельность «социальных организаторов», этих «сверхчеловеков», стоящих над бессловесными и послушными стадами народных масс и милостиво повелевающих ими. Вот почему Плеханов имел полное право заявить: «Оружие, выкованное Вами, г. Богданов, совсем не годится для передовых людей: оно обеспечивает им не победу, а поражение»¹².

Столь же печальный результат, как показал Плеханов, дала и попытка так называемых богостроителей «усовершенствовать» марксизм путем замены материализма своеобразной разновидностью религии. Она устраняла традиционного бога и в то же время стремилась учитывать религиозные традиции масс, организующую роль веры. «... Бог есть человечество в высшей потенции», — восторженно писали богостроители. На «человечество», на этого нового бога должен молиться, должен работать каждый человек. Конечно, субъективно «богостроители» хотели хорошего, хотели ускорить процесс движения общества к социализму. Но Плеханов выявил объективный смысл такой замены материализма «религией». Холодной и бестрепетной рукой он стер всю позолоту концепции «богостроительства», разорвал всю ее многоцветную словесную упаковку и обнажил ее весьма неприглядную суть: обожествленное «человечество» оторвано от «я», от отдельного человека, индивида; в этой концепции отдельный человек остается беспомощным, зависимым существом, обязанным служить новому идолу — некоему абстрактному «человечеству» (которое, впрочем, не преминет предстать в образе каких-нибудь своих конкретных представителей, своих жрецов, этих новых заместителей «нового бога на грешной земле»). Приращение роли сознательного компонента народных движений, выдвигание на первый план моментов иррациональных — экзальтированности, веры, коллективной ритуальности — не могут вести ни к чему иному, как к «казарменному коммунизму», который есть всего лишь «вывернутая наизнанку буржуазность». И это, настаивает Плеханов, есть закономерный итог попыток сочетать социалистическую теорию К. Маркса с какой-либо иной, нематериалистической философией.

Струве и Бернштейн пытались проделать другую, нежели Богданов и его сторонники, противоположную операцию. Они начали с попытки сохранить фундаментальные положения материалистического понимания природы и общества, отбросив научный социализм, заменив марксистскую теорию

¹² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. III. М., 1957. С. 300.

революции теорией социальных реформ. А кончилось это, как показал Плеханов, тем, что Струве, много говоривший об объективности социальных законов и ведущей роли экономики, но не доведший своей концепции до признания революционной исторической миссии угнетенного класса и необходимости в той или другой форме социалистической революции, низвел свой объективизм до исторического фатализма и примирения с буржуазно-монархической действительностью. Бернштейнианцы, выдвинувшие стратегию социальных реформ *вместо* революции, эволюционировали от материализма к кантианству (к тому же в его самой примитивной и вульгарной версии). Их печально знаменитый лозунг «движение — все, цель — ничто», в котором абсолютизируется медленное, постепенное реформистское движение и отбрасывается — как нечто практически недостижимое — «цель», т. е. социализм, — этот лозунг есть по сути перевод на политический язык центральной кантовской идеи об ограниченности человеческого познания миром «явлений», миром «опыта» и невозможности выхода за пределы этого мира в недостижимый, недоступный и непознаваемый мир «вещей в себе».

Плеханов, таким образом, показал, что выбор той или иной позиции в классовой, социальной борьбе соответствующим образом детерминирует и выбор *философской* основы, и наоборот. Более того, Плеханов доказал не просто то, что подлинно социалистическая теория может вырасти только на основе материализма, на основе материалистического понимания истории (это более или менее очевидно), но и то, что само понимание истории становится действительно *материалистическим* только тогда, когда оно доводится до идеи социализма. Только тогда.

Иначе говоря, теория социалистических преобразований — это не просто один из «этажей» марксизма, а замыкающее всю цепь звено, которое и превращает понимание истории в действительно материалистическое понимание, а через него диалектику — в материалистическую диалектику.

Материалистическая диалектика, материалистическое понимание истории, теория социализма — не стоящие «рядом» особые науки, а пропитывающие друг друга, взаимопроникающие моменты, неразделимые части *одной-единой* науки, имя которой — марксизм. Не случайно для классиков марксизма и Плеханова равноценными наименованиями марксистской науки в целом, полноправными синонимами были: «диалектический материализм», «материалистическое понимание истории», «научный социализм» (снова просим не отождествлять «научный социализм» Маркса со сталинистской версией «научного коммунизма», заполнявшего всю учебную литературу по обществоведению во время *она* и служившего делу оболванивания, «манкуртизации» общества). Вот итоговая плехановская формула: «Марксизм — это целое мирозерцание... Каждая сторона этого мирозерцания самым тесным образом связана со всеми остальными и каждая освещает собою все остальные, помогает их пониманию. Нельзя вырвать какую-нибудь одну из них и ограничиться ее признанием, устраняя остальные или игнорируя их. Это значит изуродовать марксизм, изгнать из него душу, превратить эту живую теорию в мумию мысли и, не довольствуясь

даже этим, сосредоточить все свое внимание лишь на том или другом органе этой мумии. В этом величие марксизма и в этом же причина того, что его так ошибочно понимают многие из тех, которые искренно стремятся к его пониманию»¹³. И когда сегодня сталкиваешься с попытками людей, «искренно стремящихся быть марксистами», отделить революционную стратегию борьбы от философии марксизма, то невольно вспоминаешь верные и точные слова Плеханова: если социалистические идеологи «показывают часто полное непонимание ими философии Маркса, то от этого она теряет очень мало, а они очень много; их взгляды лишаются всякой стройности и вступают в уродливые сочетания со взглядами, выработанными идеологами *современной буржуазии*»¹⁴.

«Подменять конкретное абстрактным – один из самых опасных грехов»

Мы уже приводили высказывание о том, что «способ рассуждения» Плеханова есть «опошление марксизма, сплошная насмешка над диалектическим материализмом». Подобная характеристика выглядит абсолютно несовместимой со всем тем, о чем мы только что писали. Так резко и так категорично — «опошление», «насмешка». Нет ли в этих словах некоторого полемического преувеличения, объясняющегося остротой какого-то конкретного спора? Нет! К сожалению, нет. К сожалению, все именно так и обстоит. И незачем прибегать к каким-то приглаженным формулировкам там, где речь идет о принципиальных вещах.

Как же все-таки совмещаются те «несовместимые» высказывания? Какие ошибки допускал Плеханов и в чем корни этих ошибок?

Здесь, как и при объяснении исторических заслуг Плеханова, следует остерегаться легких, лежащих на поверхности и кажущихся очевидными, ответов, таких, как: Плеханов не разглядел специфики России (был-де долго оторван от родины) и потому неправильно определял перспективы русского революционного движения; Плеханов-де не был практиком и терялся в тактических вопросах, а это, как правило, и приводило его в лагерь меньшевиков и т. д. и т. п.

И снова, как и в первом случае — при рассмотрении заслуг Плеханова, мы должны сказать, что эти утверждения сами по себе, в общем верны, но они фиксируют внимание на ошибочности *отдельных конкретных оценок*, дававшихся Плехановым, но не отвечают на вопрос, в чем погрешности его «способа рассуждений», т. е. его *метода*. Следует же обращать внимание как раз на последнее, ибо конкретные политические и тактические ошибки Плеханова во многом связаны с недостатками именно его *методологии*.

В чем же состоят эти недостатки, эти погрешности? Отвечая на этот вопрос, мы остановимся лишь на двух, но, думается, самых главных моментах.

Первый связан с самим пониманием значения метода как инструмента познания, роли метода в процессе познания, *соотношения метода и конкретных данных*. Как этот вопрос ставил Плеханов? Разработанная Марксом и Энгельсом «современная социалистическая теория, — писал он, — это алгебра революции,

¹³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. III. С. 198.

¹⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. III. С. 199.

могущая дать нам только алгебраические формулы»; эта общая теория применяется как метод при исследовании социальных условий конкретных стран и регионов. Как же применять «алгебраические формулы» этой общей теории? Вот как: «... чтобы руководиться этими формулами на практике, мы должны уметь заменять в них алгебраические знаки определенными арифметическими величинами, а для этого необходимо принять в соображение все частные условия каждого частного случая. Только при таком пользовании этими формулами они сохраняют свой живой диалектический характер и не превратятся в мертвые метафизические догмы...»¹⁵.

Итак, в верную алгебраическую формулу ставить арифметические значения, арифметическую конкретику данной страны. Отметим прежде всего, что Плеханов вовсе не за то, чтобы поклоняться только общим формулам, игнорируя специфику страны (как то ему приписывают некоторые исследователи); эти обвинения начались еще в 80—90-х годах XIX века, когда народники стремились доказать, что марксисты и их лидер Плеханов предсказывают капиталистическую перспективу развития России, исходя не из ее конкретных условий, а из общей социологической схемы марксизма, согласно которой будто бы все страны неизбежно должны пройти этап капиталистического развития. И еще тогда в статье «Наши разногласия» Плеханов показал, что дело вовсе не в общих схемах. В алгебраическую формулу марксизма о том, что производительные силы обуславливают производственные отношения, а их противоречие определяет направление развития общества, тип и формы происходящей в нем социальной борьбы, Плеханов подставил арифметические величины российской конкретики. Он с цифрами и фактами в руках доказал наличие и развитие крупного машинного производства в России, выявил роль всероссийского рынка, тип сложившихся и складывающихся классов и из этого, а вовсе не из общей формулы как таковой сделал вывод: Россия вступает на путь капитализма и революционное движение в России победит как рабочее движение или не победит вовсе. И это были, в значительной степени, верные выводы.

Погрешности плехановского метода состоят в другом и требуют для своего выявления несравненно более тонкого анализа. Зримо они проявились в эпоху первой русской революции 1905—1907 гг. В эту эпоху Плеханов, как и прежде, применил свой метод подстановки арифметических значений русской конкретики в проверенную общую марксистскую формулу — метод, давший такие великолепные результаты в предшествующее десятилетие. Анализируя содержание и перспективы классовой борьбы в России в начале XX столетия, Плеханов в общую марксистскую формулу о содержании классовой борьбы в период буржуазной революции (а для всех марксистов было несомненно, что - по уровню развития производительных сил - Россия накануне буржуазной революции) подставил российские данные и получил ответ: российская либеральная буржуазия должна возглавить революционную борьбу и взять власть, рабочий же класс и все другие слои трудящихся (крестьянство в том числе) должны поддержать буржуазию против самодержавия, помещиков,

---

¹⁵ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. III. С. 95-96.

остатков феодализма. В действительности же либеральная буржуазия отказывалась выступать против самодержавия, отказывалась от поддержки, предлагаемой революционными массами, в союзе с самодержавием старалась погасить революционное движение народа.

Здесь и обнаружилось изъяны плехановской методологии. Плеханов не учитывал, что переход от общей формулы к конкретной ситуации конкретной действительности это переход не от алгебраических значений к арифметическим, а - **от абстрактного к конкретному**, которое всегда несравненно шире, несравненно богаче абстрактной формулы, не подводится легко и просто под нее, не вмещается в нее. Плеханов упускал из виду, что применение общих алгебраических формул к стремительно развивающейся действительности, что подставление в них арифметической конкретики — это процесс, в котором не только познается конкретное, но *одновременно и изменяется, усложняется, уточняется сама исходная алгебраическая формула*: каждый шаг в познании действительности с помощью этой формулы есть одновременно и шаг в направлении изменения, уточнения исходной общей формулы. Он упускал из виду, что в едином акте, в едином процессе познания, с одной стороны, формула служит средством познания действительности, а с другой стороны и в то же самое время действительность есть средство развития и уточнения исходных формул.

В отличие от релятивистов, диалектики с доверием относятся к открытым наукой и проверенным на практике законам, берут их за основу своего познания и действия. Но в отличие от догматика диалектик берет их, как любили говорить древние, «со щепоткой соли», т. е. не как абсолютный, ненарушимый канон, а как руководящий принцип при исследовании¹⁶, который может уточняться в самом ходе этого исследования.

В связи с этим возникает другой вопрос: в чем же познавательная, эвристическая сила исходных законов (алгебраических формул), если нельзя заранее с уверенностью сказать, что данная система изучаемых конкретных фактов относится к области применения этих законов; ведь может получиться так, что применяемый закон к данной системе фактов не имеет никакого отношения. Но в том-то и состоит вся трудность и весь смысл процесса познания, что, *только применяя данный абстрактный закон, можно определить, выходит ли та или другая система за рамки его применения*, и тем самым одновременно получить возможность найти модифицирующий фактор (если он есть) и, изучив его, уточнить (усложнить или упростить) сам закон, саму исходную формулу, т. е. развить сам метод. *Другого способа познания действительности и — одновременно — развития метода познания не существует.*

Этот принцип «саморазвития» метода в процессе его «применения» не был освоен Плехановым. Его способ анализа и способ рассуждения не были ориентированы на развитие исходных принципов, на анализ того важного звена, того важного мостика, «шествуя» по которому общие принципы преобразуются

---

¹⁶«Все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод, — подчеркивал Энгельс. — Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39. С. 352).

(довольно сложным и противоречивым образом) в конкретные решения. Плехановской методологии познания явно недоставало диалектичности. Реальная действительность нередко выступала у Плеханова как сумма примеров, наглядных иллюстраций общих формул. Он держал жесткий курс только на *непосредственное подведение конкретного под абстрактное*. И там, где это конкретное, по счастливой случайности, в общем и целом отвечало диапазону действия абстрактной формулы (в 80—90-х годах XIX в.), конкретные ответы Плеханова оказывались верными и точными. Когда же действительность частично вышла за рамки этого диапазона (к началу XX столетия), плехановские ответы стали все больше отличаться от истины.

«Арифметика» русской действительности начала XX столетия, подставленная в традиционную алгебраическую формулу содержания классовой борьбы в буржуазной революции, сложившуюся на материале исторического опыта Западной Европы, разрушала эту традиционную формулу, ибо практика показывала, что русская буржуазия в отличие от западноевропейской буржуазии прошлого не хотела глубоких социально-политических преобразований. Вместо того чтобы оценить значение этого момента, Плеханов, веривший в абсолютную силу традиционной алгебраической формулы, стремился убедить прогрессивную общественность, что нереволуционность русской буржуазии — явление временное, случайное, зависит не от объективных, а от субъективных моментов, что это пройдет; только не надо-де социал-демократам «пугать» буржуазию своей революционностью, что рабочий класс, не претендуя на ведущую роль, должен помочь ей взять власть, что надо повлиять на ее идеологов — Милюкова, Струве — объяснить им, что есть такой закон буржуазной революции и что надо этому закону следовать, иначе будет хуже всем, в том числе и самой буржуазии. На решение этих задач Плеханов направлял свою деятельность.

Оппонировавшие же ему социал-демократы, с самого начала ориентированные на возможность *усложнения исходной формулы*, обратили исключительно пристальное внимание на причины своеобразного политического поведения русской либеральной буржуазии. В результате тщательного анализа они установили, что нереволуционность (и даже контрреволюционность) буржуазии для стран типа России в начале XX столетия явление не случайное, а закономерное. Они установили и изучили факторы, обусловившие это, в частности такой фактор, как *всемирность исторического процесса* — когда плоды развития, и материальные, и духовные, исторический опыт и политические уроки одних стран становятся достоянием других.

Перед буржуазией и пролетариатом России был опыт развития Западной Европы после английской и французской буржуазных революций. Фундаментальная общность буржуазии и трудящихся (в том числе пролетариата), обусловившая прочное социально-политическое единство в эпоху французской буржуазной революции в конце XVIII в., была невозможна в начале XX в.: западно-европейский опыт с полной определенностью показал буржуазии, что её самый главный и самый опасный враг — рабочий класс и потому для успешной борьбы с ним необходимо использовать менее опасную для буржуазии —

самодержавно-помещичью — силу; пусть буржуазное развитие будет несколько замедленным (в этой самодержавно-крепостнической скорлупе), но зато менее опасным для буржуазии. Кроме того, начавшаяся империалистическая эпоха с ее гигантским укрупнением производства остро поставила вопрос о расширении внешних рынков, о захвате новых земель. В этих условиях русская буржуазия нуждалась в сложившемся военно-репрессивном аппарате самодержавия (формировалась оригинальная социальная форма, которую социал-демократы называли военно-феодалным империализмом). Революционная перестройка не усилила бы, а ослабила империалистическую и либеральную буржуазию, заставив ее, экономически и политически довольно слабую, вести в одиночку борьбу сразу на трех фронтах—против уже достаточно сильного рабочего класса, против самодержавно-помещичьих сил и против иностранных буржуазных конкурентов.

На этом переходе от абстрактного (от алгебраической формулы) к конкретному в условиях, когда назревавшая в России революция не могла выйти за рамки буржуазных преобразований, а буржуазия выступала против этой буржуазной революции, возникла новая задача. Какие же социальные силы и в каких формах смогут выполнить объективное социально-экономическое требование антифеодалных, буржуазных преобразований? Таким образом, конкретная ситуация выступала как новая задача, требующая самостоятельного решения. «... Всякая новая задача... — подчеркивали революционные социал-демократы, - требует от людей не простого повторения заученных лозунгов, а некоторой инициативы, гибкости ума, изобретательности, самостоятельной работы над оригинальной исторической задачей»¹⁷. Это нечто совсем иное, нежели плехановский метод подстановки арифметических цифр на место алгебраических букв.

Решая эту задачу, оппоненты Плеханова одновременно вносят в исходную формулу новый алгебраический знак — как бы поправочный коэффициент на ту или иную мировую историческую эпоху. В *эпоху становления капитализма* «работает» исходная, традиционная формула. Для понимания буржуазных революций в *эпоху империализма* традиционная формула модифицируется в формулу буржуазно-демократической революции, в которой основными движущими силами выступают рабочий класс и крестьянство, которые после победы устанавливают революционно-демократическую диктатуру — с целью обеспечения ее перерастания в социалистическое общественное устройство. Эта новая, «усложненная» и уточненная формула будет служить исходным методологическим ключом для решения конкретных задач социального развития отдельных стран в эпоху империализма. Такой подход дает ключ к пониманию этой методологии теоретического и революционного творчества. Плехановский же способ рассуждения, плехановская методология соотнесения общих формул с конкретной действительностью есть замораживание марксизма, его одеревенение, то есть, иначе говоря, - его «опошление».

Другая существенная погрешность плехановского метода связана с решением вопроса о роли сознания, субъективного фактора в историческом

---

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 82.

процессе. И здесь, при характеристике позиции Плеханова, нужен очень тонкий и очень точный анализ, иначе невозможно зафиксировать действительные слабости Плеханова. Мы считаем необходимым подчеркнуть это в связи с довольно распространенным представлением, будто Плеханов «фетишизировал» роль производительных сил и экономического фактора, что он будто бы мало внимания уделял процессу обратного воздействия сознания на общественное бытие, не сумел-де с должной глубиной оценить идеи Ф. Энгельса относительно того, что общественное сознание способно ускорить или замедлить процесс социального развития, а также мысль К. Маркса о том, что человек хотя и не властен отменить законы истории, но способен смягчить муки рождения нового.

Все это не так: и названные идеи Ф. Энгельса, и мысль К. Маркса, и принцип «обратного воздействия» сознания на бытие Плеханов прекрасно знал, неоднократно на них ссылаясь и последовательно применял в своих конкретных исследованиях. Различия плехановского и подлинно марксистского методов гораздо тоньше, и возникают они на гораздо более высоких и содержательных этажах теории. Признание обратного воздействия сознания на бытие — это, конечно, необходимо, но еще недостаточно для того, чтобы в вопросе об отношении общественного сознания и общественного бытия быть вполне марксистом.

Плеханов не смог освоить все богатство и глубину высказанной еще в «Нищете философии» Марксовой идеи о том, что надо рассматривать «людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы», «их собственной истории». Одновременно как актеров и как авторов! Плеханов это понимал так: человек является действующим лицом (актером) исторической драмы, потому что его деятельность определена сюжетом, решающие линии и главные коллизии которого обусловлены уровнем развития производительных сил, характером производственных отношений и т. д., и из этой общей, достаточно жесткой логики написанного не им сюжета человек выпрыгнуть не может; а автором он является в том смысле, что именно человек, и никто другой, все делает в истории и к тому же — хотя он и делает это под давлением внешних обстоятельств — влияет на формы, темп изменений. В таком понимании роль человека в качестве действующего лица (актера) выявляется хорошо, а вот «авторства» не получается. Что же это за «автор», в задачу которого входит лишь более точное и глубокое осознание требований экономического базиса; это не авторство, а просто лучшее или худшее исполнение по нотам, которые пишутся кем-то другим (не считаем же мы автором Лунной сонаты» Э. Гиллельса только потому, что он ее исполняет лучше многих).

К. Маркс роль сознания и субъективного фактора и, следовательно, само «авторство» людей в истории понимали несравненно глубже. Да, конечно, они тоже отводили решающее значение уровню производительных сил, характеру производственных отношений, уровню культурности народа, что и определяет возможное на данный исторический момент направление социального развития. Но Маркс представлял себе это направление не как линию, а скорее, если прибегнуть к образному сравнению, как веер лучей, расходящихся из данной

исторической точки. Разумеется, набор этих «лучей», этих исторических возможностей, исторических альтернатив социального развития ограничен, обусловлен уровнем развития производительных сил и т. д.; так, нельзя при всем желании из рабовладения перепрыгнуть в социализм, из феодализма в современное индустриальное общество и т. п. Но если общие рамки деятельности человеку предписаны прежним уровнем социального развития (и потому он - действующее лицо, актер), то выбор внутри этих рамок одной из возможных исторических альтернатив не предопределен заранее, он решается борьбой социальных сил, а в ней громадную роль играют сознательность, сплоченность, организованность борющихся классов, глубина и гибкость стратегии политических партий, мужество и решимость вождей, их умение глубоко и точно формулировать социальные противоречия, предлагать способы их разрешения, наиболее выгодные для народных масс, выдвигать «истинные лозунги борьбы». И это не просто борьба за более или менее быстрое осуществление заранее предопределенного типа исторического развития (как полагал Плеханов), а борьба именно за *разные (отнюдь не предопределенные заранее) типы развития в пределах общей исторической «рамки» движения.*

Революция 1905 г. особенно зримо выявила это различие плехановской и ленинской (последовательно марксистской) методологических позиций.

Плеханов говорил о необходимости, революционной борьбой ускорить победу капитализма в России, призывал умелой тактикой смягчить муки рождения нового и т. д. Ленинская же постановка вопроса была иная. В России, в общих рамках капитализма, возможны разные типы капиталистического развития: крайнюю левую, наиболее прогрессивную историческую альтернативу Ленин назвал «американским путем развития»; крайнюю правую возможность Ленин характеризовал как «пруссский путь». Конечно, «американский путь» — тоже способ ускорения капиталистического развития, способ смягчения мук рождения нового (ибо он более выгоден для широких слоев народа). Но в категориях «ускорение» и «смягчение» не выражаются суть и специфика ленинской методологической и конкретно-исторической позиции, они не являются ключом к ее пониманию. «Американский» и «пруссский» пути — это не просто более быстрый и более медленный, а это пути, которые предполагают разные комбинации социально-классовых и политических сил, существенно различные типы экономической деятельности, разные формы политической организации общества, государства. И самое существенное с точки зрения рассматриваемого нами аспекта — победа той или другой возможности обуславливает принципиально различные веера новых альтернатив. Так, победа «американского пути развития» открывает принципиально новую перспективу — непрерывного развития революции вплоть до перехода к социализму.

Таким образом, «американский путь», победа которого возможна лишь при громадном влиянии субъективного фактора, открывает перспективы, которые невозможно увидеть с рубежей «пруссского пути развития». Вот этот осуществляемый субъективным фактором сдвиг всей оси социально-политической жизни страны далеко влево обусловит и веер новых альтернатив,

совершенно невозможных в случае победы «прусского пути». И тогда снова, уже на новой основе, возникнет борьба за наиболее прогрессивный вариант. Мы боремся всеми силами всегда и непременно за максимум наших требований» — вот ленинский методологический принцип.

Если провести такой мысленный, но отнюдь не фантастический эксперимент — представить себе два схожих общества, в одном из которых благодаря субъективному фактору постоянно побеждает крайняя левая альтернатива, а в другом — крайняя правая, то по прошествии некоторого исторического времени былая схожесть этих двух обществ исчезнет — так будут разительно отличаться они одно от другого.

Иначе говоря, из одной и той же исходной экономической основы в силу различного воздействия субъективного фактора вырастают так далеко друг от друга отстоящие общества.

Думается, так «авторство человека может быть выявлено более наглядно.

Здесь особенно ясно видно, что формула об «авторстве» человека употребляется вовсе не в каком-то условном, переносном смысле, а в самом полном и точном значении этого слова.

И вместе с тем в этих ленинских установках нет ни грана от методологии исторического субъективизма и волюнтаризма, от методологии народнического или младогегельянского типа, в чем так часто пытался упрекать Ленина Плеханов.

Ленинская позиция одинаково далека как от объективизма, преклоняющегося перед «естественно-историческим» (что на языке объективизма означает - стихийным) развитием, так и от субъективистской наивности, стремящейся «по своему усмотрению» направлять ход исторического движения...

Плеханов и Ленин в февральско-октябрьском революционном процессе

Вот и революционный процесс 1917 года категорически отказывался укладываться в рамки, намеченные для него Плехановым. Это были святые для Плеханова «рамки» - вычерченные по лекалам его великих учителей – Маркса и Энгельса (вычерченные, что не следует забывать, в середине XIX века).

Что же предуказывали, по убеждению Плеханова, эти рамки?

В феврале 1917 года свергнута российская монархия, это олицетворение феодальных отношений. После феодализма какой должен придти общественный строй? – Капитализм! А кто является главным субъектом капиталистических отношений и, следовательно, лидером антифеодальных революционных преобразований? – Естественно, буржуазия! Значит, революция должна идти в буржуазно-демократических рамках и завершиться установлением буржуазного, капиталистического строя. Пролетариат, за интересы которого всю свою жизнь боролся Георгий Валентинович, должен понять: это – не его революция. Его задача: подталкивать буржуазию и её политических лидеров к установлению возможно более демократического буржуазного строя. Стремиться взять в свои руки власть – будет для него большой и трагической ошибкой. «В течение последних месяцев, писал Плеханов, нам, русским социал-демократам, очень

часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было. Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, ответит на этот вопрос решительным отрицанием. *Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти.* Навязать ему такую власть, значит, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы, в то же время, величайшим несчастьем и для всей России. В населении нашего государства пролетариат составляет *не большинство, а меньшинство.* А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство... Последствия и теперь уже весьма печальны. Они будут ещё несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твёрдо и решительно против политики захвата власти одним классом, - или ещё того хуже – одной партией. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка... Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться»¹⁸.

И ещё. Покуда идёт война, ни в коем случае не следует использовать (и усугублять антивоенной агитацией) нелёгкую ситуацию, в которой оказалась Россия, для радикальной пролетарской революции. Надо помогать буржуазно-демократической революции, буржуазно-демократической власти защищать страну от германской агрессии и довести войну до «победного конца».

Вроде бы всё удивительно стройно и удивительно логично. Но... Но почему-то ни одна серьёзная социальная и политическая сила не спешила включать Плеханова в свои ряды. И ни с одной из них не желал объединяться Плеханов. Так, приветствуя его «патриотическо-оборонческую» позицию, к нему протаптывали дорожки, вели с ним переговоры лидеры всего спектра буржуазных партий – от кадетов до октябристов и даже крайних правых: Милюков, Гучков, Родзянко, Пуришкевич... Он их поощрял: это – ваша революция, действуйте. Но идти в тесном ряду с вами мне не по пути: моя «компания» - рабочий класс. И я буду с ним – и в ходе вашей революции, и в вашем будущем буржуазно-демократическом строе. Буду и там отстаивать его экономические, политические и культурные интересы. Да, и интерес Милюковых-Гучковых к союзу с Плехановым постепенно ослабевал – видели, как на глазах тает его авторитет в социалистических кругах.

Неоднократно предлагал Плеханову министерский пост в своём правительстве Александр Керенский. Плеханов желал «полубуржуазному»

---

¹⁸ Открытое письмо к петроградским рабочим // «Единство». № 173, 28 октября 1917 г.

Керенскому успеха. Он приветствовал «новое правительство (Керенского), появившееся на свет под знаком спасения родины и революции от внешнего врага»; «преступлением перед революцией было бы не только восставать против него, но и воздвигать перед ним хотя бы самомалейшие препятствия»¹⁹. Но вступать в тесный союз с человеком, не ставящим задачу отстаивания интересов пролетариата, не желал. И к «псевдовеличию», демонстрируемому Керенским, относился с иронией. Вот его комментарий в связи с речью Керенского о «цветах души» на Государственном совещании в Москве: «Слезливый Ламартин был всегда мне противен, – говорил Плеханов, сравнивая российского первого министра с одним из членов Временного правительства Франции 1848 г., – но Керенский даже не Ламартин, а Ламартинка, он не лицо мужеского пола, а скорее женского... Его речь достойна какой-нибудь Сарры Бернар из Царёвококшайска. Керенский – это девица, которая в первую брачную ночь так боится лишиться невинности, что истерически кричит: мама, не уходи, я боюсь с ним остаться». Однако на вопрос, неужели именно в таком тоне он будет писать статью о Государственном совещании, Плеханов ответил: «Всего того, что я о Керенском думаю, я написать не могу. Пока нет другого правительства, забивать насмерть существующее – значило бы... делать дело Ленина»²⁰.

Ну, тогда, может быть социалистические партии должны были быть с Плехановым (может быть, даже во главе с ним)? Как будто бы для этого имелись все основания. Я счастлив, сказал Плеханов на площади Финляндского вокзала 31 марта - по возвращении из эмиграции, что красное знамя, поднятое (молодым Плехановым) 40 лет назад на Казанской площади в Петербурге, развевается ныне над всей русской землей. Ну, а раз **Ты** первым(!) поднял это знамя и на протяжении сорока лет его защищал, и под ним собирались тысячи твоих единомышленников, то кому, как ни **Тебе**, в долгожданные дни революции встать во главе их, или, по крайней мере, в их первых рядах? Но, увы, ни того, ни другого не происходило. Лидерам Совета (второй – наряду с Временным правительством – власти в России) претила откровенная, а иногда и просто вызывающая, «социал-патриотическая» позиция Плеханова. Анжелика Балабанова, бывшая ученица Плеханова и один из лидеров итальянских социалистов, вспоминала, как потрясла её фраза Плеханова: «Что касается меня, если бы я не был стар и болен, то пошел бы в армию. Мне доставило бы огромное удовольствие поднять на штык ваших немецких товарищей». Да, и Плеханов не собирался расшаркиваться перед теми социалистами, которые не разделяют его позицию «война до победы». Вот его отношение к ним: «Доказывая, что мы переживаем буржуазную революцию, Церетели, Скобелев и другие являлись противниками Ленина; отстаивая циммервальд-контральскую утопию, они выступали его союзниками и... сообщниками. Потому-то я назвал их *полуленинцами*. ...Циммервальдская душа должна была в груди меньшевиков оттенка Церетели и Скобелева взять верх над марксистской душой. И она, действительно, взяла верх над нею. Церетели и его друзья, сами того не желая и

¹⁹Новое министерство // «Единство». № 85, 9 июля 1917 г.

²⁰Валентинов Н.В. Беседы с Плехановым в августе 1917 г. // Валентинов Н.В. Наследники Ленина. Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1991. С. 185

не сознавая, прокладывали путь для Ленина. Они, так разумно утверждавшие, что захват власти трудящейся массой был бы для неё величайшим историческим несчастьем, чрезвычайно много сделали для того, чтобы толкнуть её в бездну этого несчастья»²¹.

Меньшевики-«полуленинцы» уже не внимали с прежним пиететом укоризнам своего бывшего Учителя. Они, не без сожаления, констатировали: «История сыграла с ним злую шутку: его, первого, кто наметил прямой путь революции, она вынудила всем весом своего авторитета воспротивиться революционному движению во время войны, а когда наконец, без него и помимо его, началась революция, история вывела его из борьбы, оставила в стороне и дала ему единственное утешение — кляузно жаловаться»²².

И старые, обожавшие Плеханова, друзья, не разделявшие его позиций 1917 года, всё больше отдалялись от Георгия Валентиновича.

Аптекман Осип Васильевич, давний друг Плеханова – со времён народнической юности, «Земли и воли», «Чёрного передела», социал-демократ, интернационалист.»Этот раз Плеханов, пишет он об одном знакомом выступлении Георгия Валентиновича, уж показал подлинное своё лицо: он выступил ярким защитником войны, решительным сторонником «союзников»... Плеханов, таким образом, публично и безоговорочно заявил своей речью, что он стал уже по ту сторону баррикады, перекочевал на тот берег... Плеханов – «социал-патриот», Плеханов – идеолог империалистической войны, Плеханов в трогательном единении с совершенно чуждыми ему элементами: с правыми эсерами, с правыми эсдеками до кадета Милюкова включительно... И ещё я вспомнил роковое одиночество Плеханова в последние годы, его полная изоляция от бывших его соратников, его расхождение с бывшим его другом-товарищем П.Б. Аксельродом». И далее – просто щемящие сердце и душу строки: «Мы сели на скамейку на перроне и... молчали. Жуткое молчание. Плеханов опустил голову. Меня охватило, сказал бы, похоронное чувство. И подлинно: то хоронили мы нашу многолетнюю дружбу, наше дорогое молодое прошлое, совместно пережитое и передуманное... Целую полосу жизни... Я мельком взглянул на Плеханова: «орёл» с подбитыми крыльями, «орёл» - с потухающим взором... Он не глядит уже вперёд, вдаль, как это раньше бывало, его проникновенные взоры не прорезывают уж далёкие, светлые перспективы грядущего, - его голова опущена... его прозорливый взгляд угас... Раненый на смерть орёл... Когда он вернулся в Россию, он не пожелал видеть старых своих друзей, с которыми идейно разошёлся... И разумно. Инакомыслящие друзья – уже не друзья и не товарищи»²³.

И Вера Ивановна Засулич, чьё имя и судьба неразрывно связаны с Георгием Валентиновичем, в глубокой растерянности стояла в сентябре 1917 года перед выбором: принять приглашение «Жоржа» (Плеханова) войти в его группу «Единство» или нет. «На мои слова, - вспоминала меньшевичка Татьяна Вулих, - что это будет для неё прекрасно, ...раз она... разделяет позицию Плеханова и

²¹Что посеяли, то и пожали // «Единство». № 138, 12 сентября 1917 г.

²² «Рабочая газета». 25 мая 1917 г.

²³ Аптекман О.В. Георгий Валентинович Плеханов: из личных воспоминаний. Л., 1924. С. 95,96.

считает необходимым публично бороться со всё возрастающим влиянием в партии интернационалистов, она должна его поддержать, тем более, что Плеханов одинок, она ответила: «Всё это так и, не будь этих соображений, я бы не раздумывала, а просто отказалась. Но ведь принять приглашение - это значит порвать с партией (т. е. – с меньшевиками, которых в ту пору Плеханов именовал «полуленинцами» - Г.В.), окончательно уйти из неё. Положим, Плеханов неплохая компания, но ведь он не один, а окружён другими, и кто с ним? Алексинский, Иорданский – это мразь. Бедный Жорж с кем ему приходится работать, а расстаться с ними он не захочет – у него нет людей»²⁴. С какими же людьми приходится теперь шагать Плеханову, если деликатнейшая и интеллигентнейшая Вера Ивановна не нашла для их характеристики другого слова, как «мразь»! Действительно: «Бедный Жорж»!

Итак, прежние единомышленники по меньшевистской партии («полуленцы») отторгнуты Плехановым и превратились в «полупротивников». А что же «полный» ленинец (т.е. – Владимир Ильич)? С ним-то как быть?

С ним – разрыв полный и абсолютный. Хотя (что удивительно!) – при какой-то то и дело прорывающейся невольной внутренней симпатии к ленинской твёрдости, цельности, последовательности. Так, указывая на совпадение (хотя и по разным основаниям) ленинской и своей критической оценки Стокгольмской Конференции (апрель 1917 года), Плеханов пишет: «Рабочая газета» (орган меньшевистского ЦК – Г.В.) иронизирует по поводу того, что я сошёлся с Лениным в своём отношении к Стокгольмской Конференции. Но я не настолько проникнут фракционным духом, чтобы оспаривать Ленина, когда он говорит: *дважды два четыре. Впрочем* я согласен с Лениным лишь во взгляде на немецких большевиков. *Во взгляде* на французские дела мы решительно расходимся. При том, если нужно выбирать между Лениным и миролюбцами из «Рабочей газеты», то я предпочту Ленина, как человека более смелого и последовательного. ...Моя точка зрения прямо противоположна точке зрения Ленина, однако, не могу же я не видеть, что он – цельный тип, тогда как вы, почтенные товарищи из «Рабочей газеты», были и остаётесь... только *полу-Ленинами*»²⁵.

И всё же именно Ленин – главный оппонент Георгия Валентиновича. И уж с ним-то Плеханов не церемонится. Не слишком выбирает слова – лишь бы побольше ударить, лишь бы поосновательнее «припечатать». Но читаешь Георгия Валентиновича – и возникает ощущение: понимает он, что проигрывает Ленину в их историческом споре. Аргументы - грубые по форме, легковесные по содержанию. Жалко – в условиях энергичного революционного процесса 17 года – выглядят (когда-то уместные - в ранних статьях) побасенки, ёрнические пассажи, все эти приводимые Плехановым комические литературные аналогии, заменяющие собой серьёзный разговор на судьбоносные для страны темы. Сравните только Апрельские тезисы Ленина, с которыми можно спорить, но нельзя не воздать должное их энергии, их программности, и их критику Плехановым – одновременно вялую и грубую. Он будет называть ленинские

²⁴Цитирую по: Костяев Э.В. Проблемы войны и мира в платформах и деятельности Г.В. Плеханова и меньшевиков в 1914 – марте 1918 года. (Докторская диссертация, Саратов. 2014 г.). С. 248.

²⁵Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 73.

тезисы «бредом», сравнивать их автора с гоголевским сумасшедшим Авксентием Ивановичем Поприциным, с пациентами чеховской психиатрической Палаты № 6. И что тезисы эти могли быть написаны только в такой обстановке, которую сумасшедший Авксентий Иванович характеризовал так: «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое»²⁶. Какая утрата чувства меры! Какое падение публицистического таланта!

А когда начинает всерьёз разбирать ленинскую стратегию и противопоставлять ей свою, то прибегает к своему старому методу: брать выработанные классиками социализма исходные «алгебраические» формулы и проставлять в них «арифметические» (конкретные) данные своей эпохи. Получается стройно и ... безжизненно.

Ленин вовсе не против тех «формул», что разработали Маркс с Энгельсом. Они – добротный ориентир для **начала** анализа. Но не могут эти «формулы» учесть всё богатство, всё разнообразие, всю уникальность социальных процессов в разных странах, в разные эпохи. Своеобычные жизненные проблемы развития конкретных стран заставляют выходить (и подчас очень далеко) за рамки этих «формул» и в итоге создавать, с учётом новых реальностей, новые, усложнённые исходные формулы. **Развитие**, писал Энгельс, есть **способ существования** марксистской теории.

Вот и столкнулись две разные методологии, и выросли на их основе две разные теории социально-революционного действия – плехановская и ленинская...

И специфика ленинского мышления вовсе не связана (как думает Плеханов) с идеей какого-то волюнтаристского «перескока» через отмеченные «классическими» формулами необходимые этапы.

В чём сам Плеханов видел суть своих расхождений с Лениным?

Ленин в своих «Апрельских тезисах», подчёркивал Плеханов, призывает к «свержению капитала», к свержению буржуазного Временного правительства. Что, по мнению Плеханова, равносильно призыву к «введению» социализма. И Плеханов, дабы посрамить Ленина, начинает разжёвывать хрестоматийные, хорошо известные каждому марксисту, истины – что «социалистический строй предполагает по крайней мере два неперемняемых условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны». И пока этих условий нет, «толковать (подобно Ленину – Г.В.) об организации социалистического общества в нынешней России значит вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию»²⁷, грозящую России большой бедой. Следовать марксизму, следовать логике объективных законов общественного развития – означает признать, что, поскольку Россия к «введению социализма» не готова, то ей, следовательно, предстоит пройти то, к чему она готова – этап буржуазного развития. Через который-де и планирует «перепрыгнуть» Ленин.

²⁶Там же. С. 21.

²⁷Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 129.

Это совершенно неверная трактовка расхождения Ленина и Плеханова.

Ну, прежде всего, Ленин и в ходе революционного процесса 1917 года, да и позднее, никогда не выдвигал задачу «введения социализма». В тех же Апрельских тезисах он, что называется «чёрным по белому», с не допускающей никакой двусмысленности, пишет: «Не «введение» социализма» - «наша непосредственная задача». А что же? Всего лишь – «переход... к *контролю* со стороны С.Р.Д. (Совета рабочих депутатов – Г.В.) за общественным производством и распределением продуктов»²⁸. Что вовсе не является синонимом «социализма». Это, между прочим, понимал и Плеханов. «Контроль над производством и распределением продуктов, необходимый в социалистическом обществе, - пишет он, - в известной и даже значительной мере, возможен также и при капитализме»²⁹. Стало быть, не к «введению социализма» зовёт Ленин, а к чему-то другому, что может быть как при социализме, так и при капитализме (не будучи ни тем и ни другим). Для Плеханова – это загадка! Но совершенно ясно, что призыва к «введению социализма» здесь у Ленина нет.

И позднее, через несколько месяцев после победы Октября, в феврале 1918 года, когда многое стало яснее, Ленин, тем не менее, говорил: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, - мы этого не знаем, мы этого сказать не можем», потому что нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится»³⁰. И это вполне совпадает с тем, что говорил Плеханов: «Русская история еще не смолотла той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма»³¹.

Тогда, пытаясь всё-таки доказать, что Ленин в «Апрельских тезисах» зовёт именно к немедленному социализму, Плеханов заходит с другого конца. Он обращает внимание читателя на «первый тезис» – «он совсем недвусмысленно требует «полного разрыва на деле со всеми интересами капитала»³². Да, такое требование в Апрельских тезисах, действительно, есть. Но посмотрите, как его интерпретирует Плеханов: «Кто вполне разрывает на деле со всеми интересами капитала, тот совершает социалистическую революцию»³³.

Вот тут мы и подходим к тому, в чём мы видим главное отличие плехановской методологии от ленинской, к тому, что мы считаем самым существенным недостатком плехановской теории.

Плеханов полагает, что содержание выбора, перед которым стоит Россия в 1917 году (как, впрочем, и вся мировая история) это: Капитализм или Социализм? И если вы «разрываете с интересами капитала» - значит, вы вступаете в пространство Социализма. Еще раз: «Капитализм или Социализм? Третьего не дано!».

---

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.31. С. 116.

²⁹ Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 27.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр., 65 – 66.

³¹ Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 218.

³² Там же. С. 27.

³³ Там же. С. 27.

А вот, согласно Ленину, - дано! Дано – и третье, и четвёртое, и пятое, и десятое... И «разрыв с интересами капитала» вовсе не означает обязательного вступления в мир социализма. Могут быть и другие, весьма сложные социальные образования не-капиталистического и не-социалистического типа. И вообще альтернатива, стоящая перед Россией, отнюдь не заключается в выборе «капитализм или социализм». «Капитализм» для России был бы большой бедой – и для трудящихся классов, и для общества, для страны в целом. Ведь именно возникшие русские монополии, их эгоистические, корыстные интересы толкнули страну на гибельный для неё путь - в мировую войну, чуждую интересам подавляющей части российского общества. Именно капитализм, пренебрегающий общественными интересами, в союзе с классом помещиков и коррумпированной бюрократией вёл страну к национальной катастрофе. Утверждение капитализма было бы большим бедствием для России.

Ситуация, в которой оказалась Россия в 1917 году, выглядела следующим образом: капитализм – реакционен, социализм – невозможен. А что вместо? Уже сама эта *постановка вопроса* отличала ленинскую позицию от плехановской. Она толкала к поиску новых, своеобразных путей реформирования общества, обуславливала новый виток развития теории.

Ленин видит задачу не в том, чтобы реализовать одну из моделей социального устройства («капитализм», «социализм»), затверждённых в марксистском учебнике Каутского (в соответствии с идеями Маркса и Энгельса), а в том, чтобы найти путь к такому социальному устройству, в котором бы наиболее полным образом, в соответствии с возможностями данной исторической эпохи, удовлетворялись интересы широких слоёв трудящихся, интересы эксплуатируемых и угнетаемых классов. И из **этого**, из требований живой жизни, из конкретики социально-классовой борьбы своего времени, а не из общих схем Маркса-Энгельса-Каутского следует формулировать революционные задачи и лозунги социально-преобразовательной деятельности.

При этом Ленин вовсе не отбрасывает те общие формационные схемы, начертанные классиками марксизма. Они – ценны, как предельно широкие, социально-философские абстракции, как выражение наиболее общих тенденций развития всемирной истории. Да, Человечество, да всемирная история стоит перед этой альтернативой: Капитализм или Социализм. И для Человечества, для трудящихся масс выбор в общем-то ясен: Социализм! Но...

Но в разных странах, в разных регионах мира, различающихся (подчас – очень существенно) своей экономической, политической, социальной и культурной спецификой, своим местом в мировой системе отношений, движение к социальным идеалам и социальные формы, в которых происходит это движение, с необходимостью принимают весьма и весьма специфические формы, не сводящиеся к «классическим» схемам.

Наиболее полное, классически изложенное представление о такого рода методологии социально-преобразовательной деятельности дано в одной из последних ленинских работ – «О нашей революции», где Ленин

противопоставляет свою теорию и свою методологию методологии и теории меньшевистски-плекхановского типа.

Вот основные черты ленинской методологии.

1. «Они (Плекханов и меньшевики – Г.В.) все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски». «Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет... объективных экономических предпосылок для социализма». «И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?».

2. «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала... носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции». Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающих и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

3. Что если полная безвыходность положения, удесятерив тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность *иного перехода к созданию основных посылок цивилизации* (курсив мой – Г.В.), чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?».

(Прошу обратить внимание на то, как Ленин формулирует ближайшие задачи русской революции, как он характеризует то социальное состояние, которое стремится достичь эта революция: не Социализм и не Капитализм, а – **Основные Посылки Цивилизации**. Это же, по сути, характеристика особой общественной формации, которая должна родиться из февральско-октябрьского революционного процесса. Можно, конечно, подыскать ей и другое название. Но дело здесь не в названии, а – в открытии возможных социальных формаций нового типа. И здесь, думаю, завязь теорий социального развития послеоктябрьской эпохи. Развития, порождающего новые социальные образования, не вмещающиеся в рамки классических представлений, сложившихся на основе социальной реальности XIX века).

4. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

5. «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»

«Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция».

6. «Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории»³⁴.

В основе ленинской стратегии лежало не стремление уложить бесконечно сложную, бесконечно своеобразную реальность в прокрустово ложе Марксово-Каутскианских схем, а – ответить на конкретные вызовы конкретной социально-политической ситуации, возникшей в *определённой* стране, в *определённое* время, в *определённую* эпоху мировой истории. И потому Ленин был в центре живого потока истории, в кипении социально-политических страстей своего времени, активно мобилизуя своих единомышленников, страстно полемизируя с теоретическими и политическими противниками.

Плеханов же со своими «классическими схемами» стоял где-то на обочине этого живого потока, на обочине живого социального процесса и, повторяя общие хрестоматийные истины, терял своих прежних учеников и не приобретал новых - «орёл с подбитыми крыльями и с потухающим взором...» (О.В. Аптекман).

Итоги

И снова вернемся к тем двум цитатам, с которых мы начали разговор. Теперь мы можем ответить на поставленный в начале статьи вопрос: что это значит — без Плеханова нельзя стать сознательным марксистом — способ рассуждения Плеханова есть опошление марксизма?

Известно, что совершенно невозможно дать верное и глубокое решение частных конкретных вопросов «без предварительного решения общих». «Общее» есть «ступень к познанию», необходимая ступень.

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378-382.

Эти фундаментальные принципы марксистской теории, общие принципы изучения конкретной реальности, разрабатывались Плехановым, и разрабатывались основательно, глубоко, тонко. Без овладения этим уровнем теории, без восхождения на эту, плехановскую, ступень теоретического знания совершенно невозможно шагнуть на следующие, более высокие ступени, невозможно дать верный анализ конкретной ситуации. Вот почему нельзя без Плеханова стать настоящим марксистом, сознательным творцом нового общества.

Но известно также, что «значение общего противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc.» (Ленин), вот почему нельзя застревать на этой ступени «общего». На ней нельзя задерживаться — такая задержка ведет к омертвлению мысли. Живой водой для этого абстрактного общего является движение к конкретному, переход на следующие, дальнейшие ступени. Плеханов недооценил трудности и своеобразие этого перехода.

Он считал, что ответы на конкретные вопросы можно найти в простом логическом развитии общей истины; он упустил из виду то обстоятельство, что всякая общая истина — только плацдарм, с которого начинается теоретический штурм конкретных проблем, и что решение задач и проблем, с которыми сталкивается исследователь во время этого штурма, - дело не механическое, не прикладное, не predetermined «общей истиной», а дело, по сложности не уступающее открытию самих исходных «общих истин», дело, требующее самостоятельного, специфического исследования, при котором «общие истины» служат лишь ариадниной нитью движения, дело достижения новой, более конкретной истины, которая, в свою очередь, будет служить новым плацдармом для дальнейшего восхождения.

Глубоко и тонко усвоить существо исходных, фундаментальных истин, сформулированных гениями политико-философской, социально-преобразовательной мысли, пропустить их через свое «я», слиться с ними, сделав их формой своего видения и осмысления мира, и на этой основе двигаться дальше, решая новые, всё усложняющиеся задачи социального бытия людей, одновременно укрепляя и расширяя исходный теоретический фундамент, готовя тем самым новые стартовые площадки для новых взлетов человеческой мысли, — в этом, на наш взгляд, и состоит важнейший урок, который вытекает из всей теоретической и практической деятельности Плеханова.

Х Х Х

И всё же не этим я хотел бы закончить свою статью. Всё же **самый главный** урок Плеханова – другой.

Да, можно немало предъявить Плеханову претензий, касающихся методологии его социально-политического анализа, его позиции в февральско-октябрьском революционном процессе. Но...

Но давайте вспомним, что он ответил Борису Савинкову на предложение возглавить правительство после предполагаемого свержения большевистской власти. Ответ Плеханова знаменателен: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я буду его расстреливать тогда, когда он идет по ложному

пути»³⁵. И ещё: «Будем помнить, что с каким бы недоверием ни относились к нам бессознательные - пока еще, увы, слишком многочисленные - рабочие, они были и остаются нашими братьями, просвещению которых каждый из нас обязан служить до последнего своего издыхания»³⁶.

Вот это-то и есть всё-таки самое главное в плехановском мировоззрении: жить интересами трудящихся, быть с ними в исторические минуты печали и радости, в минуты побед и в минуты поражений – «до последнего своего издыхания»!

Это, повторяю, и есть главное в Плеханове. Всё остальное – все его «ошибки», «заблуждения», «промахи» - **второстепенно**, по сравнению с этим.

И в таком контексте становятся особенно понятны слова Ленина: **«Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать - именно изучать - все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»**³⁷. Становится понятным, почему Ленин поддержал идею увековечить память и имя Георгия Валентиновича Плеханова на *Памятнике-обелиске выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся*.

---

³⁵ См. Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме с примечаниями. М. 1924, с. 182.

³⁶ А всё-таки движется! «Наше Единство», № 1, 19 декабря 1917 г.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.